

Глава 17

Когда начало темнеть, Юй Пань сидел за столом и правил рукопись — он писал о том, как Шэнь Яньчжоу учил его пускать «блинчики» по воде.

Внезапно за окном сверкнула яркая вспышка, и тут же оглушительно грянул гром, заставив оконные стёкла задрожать.

Юй Пань вздрогнул, едва не выронив ручку на пол. Он поднял глаза: небо от вспышек молний казалось мертвенно-бледным, тяжёлые тучи давили сверху, а шквальный ветер так яростно гнул ветви деревьев, что листва шумела не умолкая.

Вскоре на землю обрушились капли дождя размером с фасолину. Сначала слышались лишь редкие шлепки, но через мгновение они слились в сплошной плотный гул.

Юноша пошёл закрывать окна, но, едва коснувшись рамы, промок от брызг. Он наглухо запер все окна в доме, однако шум дождя всё равно просачивался сквозь щели, заставляя сердце тревожно сжиматься.

Он не любил ненастье, особенно летние ливни.

Юй Пань сел на стул, обхватив колени руками. В пальцах он сжимал последнюю конфету «Цзинь Туцзы». От тепла его тела сладость в фольге размякла, и бурая шоколадная масса начала медленно вытекать, пачкая руки.

Вентилятор продолжал вращаться, шелестя бумагой на столе, но Паньпаню совсем не было прохладно — наоборот, по спине катился холодный пот.

Спустя какое-то время снова гроыхнуло так, что, казалось, задрожала сама земля. Юй Пань резко вскочил, ударившись коленом об угол стола, и зашипел от боли.

Но он почти не обратил на это внимания: тревога в душе была куда сильнее физической боли. Он не понимал почему, но чувствовал — что-то не так. Словно чья-то рука стиснула его сердце, мешая дышать. Нахлынувшая тошнота подступила к горлу, и мальчик лишь беспомощно хватал ртом воздух.

Снизу донеслись громкие голоса и шум передвигаемой мебели. Юй Пань сбежал по лестнице и увидел, как бабушка Чжан Инцюнь помогает дедушке Ян Юнфу убирать книги с полок.

— Быстрее! Вода поднимается!

Вода в патио уже скрыла щиколотки. Ледяной холод пополз вверх по штанинам, но Юй Пань,

не обращая внимания на промокшую одежду, бросился помогать старикам.

Вода прибывала стремительно, вскоре она достигла икр. Книги стали тяжёлыми и скользкими; юноша несколько раз едва не поскользнулся, спасало лишь то, что он мог опереться локтем о стену.

Ливень не унимался, и никто не знал, как высоко поднимется уровень воды. Старик Ян стоял на стремянке, передавая вниз тома в твёрдых переплётках:

— Сначала уноси эти! Старые журналы и разрозненные книги спасай, насколько сможешь!

Юй Пань кивнул и, схватив бамбуковую корзину, пошёл по воде к полкам. Грязная жижа, полная водорослей и песка, уже поднялась выше колен; кожу нестерпимо щекотало, будто по ногам ползали насекомые.

Как только он наполнил корзину, снаружи снова сверкнуло, и лампочка над головой тревожно мигнула.

Не успели они сделать и пары заходов, как уровень воды снова подскочил.

— Бросай книги! Уходим! — дедушка решительно спустился со стремянки и потащил юношу к лестнице.

Вода поднялась уже до самого живота, и каждый шаг давался с огромным трудом.

Юй Пань, прижимая к себе наполовину заполненную корзину, обернулся на лестничном пролёте. Первый этаж был затоплен почти наполовину. Плетеное кресло, на котором обычно сидел старик, теперь бесцельно дрейфовало, а книги, которые они не успели спасти, качались на грязных волнах.

Вернувшись на второй этаж, бабушка принялась суетливо собирать вещи, чтобы перенести их ещё выше. Глядя на то, как прибывает вода, никто не мог гарантировать безопасность.

Втроём они таскали вещи на третий этаж до глубокой ночи. Хорошей новостью стало то, что дождь утих и уровень воды стабилизировался. Плохая же заключалась в том, что затоплен был весь второй этаж, и если ливень возобновится, вода пойдёт выше.

На улице не утихал шум: смешивались крики взрослых и плач детей. Те, кто сохранял самообладание, выглядывали из окон и перекрикивались с соседями.

— Сколько живу, в первый раз вижу такое наводнение!

— Да что ты! Мне пятьдесят, и я тоже с таким не сталкивался!

— У меня свиней и кур всех унесло, даже схватить не успел!

Юй Пань забился в угол, дрожа всем телом — то ли от холода, то ли от пережитого ужаса.

Бабушка принесла ему миску имбирного отвара:

— Выпей, пока горячий. И быстро в душ, переоденься, не хватало ещё простудиться.

Юй Пань послушно пригубил напиток. Вкус был обжигающе острым, но по застывшему телу наконец разлилось живительное тепло.

После душа он лёг в постель, но сон не шёл. Лишь под утро, когда силы окончательно иссякли, ему удалось забыться тревожной дремотой.

К полудню снова зарядил дождь.

На бамбуковом плоту мимо домов проплыл глава посёлка. Сжимая в руках мегафон, он кричал:

— Граждане! Река вышла из берегов из-за затора в русле! Мы уже отправили людей на расчистку...

— Как она могла забиться? Она же широкая! — крикнул кто-то из окна.

— Пока неясно! Вода спадёт — пойдём смотреть! — донеслось в ответ.

После обеда на плотках начали развозить еду. Бабушка принесла таз с рисом и наполнила миску для Юй Паня:

— Ешь, через силу ешь, иначе не выдюжишь.

— Ничего, прорвёмся, — добавил дедушка, поглощая скудную порцию. — Вода обязательно уйдёт.

Юй Пань с трудом проглотил первую ложку. Рис был старым и сухим, он комом вставал в горле.

Прошёл ещё день. С полудня уровень воды начал заметно снижаться. Затопленные на двое суток улицы наконец показали на поверхности, погребённые под слоем вязкой жёлтой грязи

в колено толщиной. В этом месиве вперемешку с обломками мебели плавали туши утонувших птиц; в воздухе стояла невыносимая вонь.

Но как бы там ни было, спад воды принёс облегчение. Жители похватили лопаты и принялись выгребать грязь из своих жилищ.

Юй Пань тоже работал, механически счищая ил со стен. В голове было пусто и гулко.

От Шэнь Яньчжоу по-прежнему не было никаких известий.

Соседи, размахивая лопатами, обменивались новостями:

— Слыхали? На дороге в соседний уезд гора обвалилась. Половина склона съехала прямо в реку, вот камни русло и перекрыли.

— То-то я слышал грохот той ночью! Глухой такой, на гром совсем не похожий.

— Мой племянник как раз на расчистке завалов. Говорит, оползнем несколько грузовиков накрыло...

Люди, которые только что горевали о своих домах, притихли. Теперь их беда казалась не такой уж страшной — главное, что сами живы.

— Бедолаги... В наше время водителем грузовика быть ох как непросто... Эй! Ты чего, немой, с ума сошёл?!

Лопата со звоном выпала из рук Юй Паня. Он метнулся к говорившему и мёртвой хваткой вцепился в его локоть. Глаза юноши налились кровью.

Только в этот момент соседи вспомнили, что старший брат этого паренька — водитель, и за все дни наводнения он так и не появился. На Юй Паня уставились с жалостью, кто-то поспешно отвёл взгляд, тяжело вздохнув.

— Паньпань! Не слушай ты этих пустозвонов! — бабушка бросила лопату и подбежала к нему, оттаскивая в сторону. — Твой брат везучий, с ним всё будет в порядке! Не слушай их!

Юй Пань позволил увести себя в дом. Он стоял посреди комнаты, не шевелясь; на лице застыла маска изнурения, пятна грязи делали его ещё более болезненным на вид.

Внезапно он начал отчаянно жестикулировать, указывая то на улицу, то на самого себя. Слезы прокладывали дорожки по грязным щекам.

— Всё хорошо, они ведь ничего не знают наверняка, — утешала его бабушка, не понимая знаков.

Он настойчиво указывал на два предмета, стоящих рядом.

— Ты спрашиваешь, поехал ли он именно в соседний уезд? — наконец поняла старушка, и её голос дрогнул. — Не... не бойся. Может, из-за ливня он выбрал другой путь.

Юй Пань замотал головой. Шэнь Яньчжоу обещал вернуться пораньше, а он никогда не нарушал слова. Прошло два дня, и тишина была пугающей.

Обвал... Опять этот обвал.

В памяти всплыл тот кошмарный летний день: шум дождя, резкий стук в дверь и дядя с тётей Шэнь, неподвижно лежащие на циновках, покрытые грязью. Они больше никогда ему не улыбнутся.

Страх, который он годами прятал в глубине души, захлестнул его, словно вышедшая из берегов река.

— Паньпань, ты куда?! — вскрикнула бабушка, но Юй Пань уже скрылся за дверью.

Он не оборачивался. Хлюпая по щиколотку в грязи, он бежал прочь из города. Дорога была завалена мусором и илом; он несколько раз падал, раздирая колени о камни, но тут же вскакивал, не замечая крови.

Он помнил, в какой стороне находится соседний уезд, помнил ту дорогу с небольшим водопадом. Ему нужно было найти Шэнь Яньчжоу.

Масштабы катастрофы оказались огромными — завалы были в нескольких местах. Не успел Юй Пань отойти далеко от Байси, как наткнулся на место оползня. Там было много людей: военные, добровольцы с лопатами, родственники пропавших.

Он не мог пробиться сквозь толпу и лишь стоял на обочине, вытягивая шею. Время тянулось бесконечно. Когда из зоны оцепления вынесли носилки, накрытые белой тканью, сердце его рухнуло. Он хотел броситься вперёд, но ноги стали свинцовыми.

Ему было невыносимо страшно.

Вскоре послышался чей-то надрывный, душераздирающий плач.

Юй Пань простоял так долго, что перестал чувствовать ноги. Он до крови искусал губы, во рту разлился металлический привкус, но в голове была лишь звенящая пустота.

Бабушка нашла его, когда уже стемнело. Она достала из корзинки два тёплых пирожка:

— Паньпань, поешь немного. Ты же упадёшь без сил.

Юноша лишь дёрнул уголком губ. Зачем есть, если Шэнь Яньчжоу больше нет?

Ночью место работ осветили мощными прожекторами.

— Вижу кабину! — закричали впереди.

Юй Пань двинулся на голос. Его сердце замерло, а затем пустилось вскачь, когда он увидел изувеченный зелёный кузов.

— Паньпань, — бабушка снова оказалась рядом с бутылкой воды. — Не хочешь есть, так хоть глоток сделай.

Он снова покачал головой.

Тогда старушка, набравшись решимости, открутила крышку и, обхватив его лицо ладонью, силой влила воду ему в рот. Тёплая жидкость хлынула в горло, смешиваясь с кровью от искусанных губ, и Юй Паня вывернуло наизнанку в сухой рвоте.

— Паньпань!

Знакомый голос прорезал шум толпы и ввинтился в его сознание.

Юй Пань резко вскинул голову. В лучах прожекторов, совсем недалеко, он увидел Шэнь Яньчжоу. Тот, с перевязанной рукой, пробирался к нему сквозь толпу.

Это был он.

Живой.

Он вернулся.

Юй Пань открыл рот. Что-то в его груди, копившееся годами, взорвалось. Весь ужас, тревога и отчаяние последних дней нашли выход и превратились в одно-единственное слово — хриплое,

надтреснутое, но прозвучавшее предельно ясно:

— Брат!

Шэнь Яньчжоу замер, словно не веря собственным ушам.

В следующую секунду дикая слабость накрыла Юй Паня. Перед глазами всё поплыло. Он потянулся к Шэнь Яньчжоу, но пальцы схватили лишь пустоту, и тело его обмякло. Проваливаясь в темноту, он успел заметить, как Шэнь Яньчжоу бежит к нему, и в его крике слышался такой ужас, какого мальчик никогда не знал раньше.

Юй Пань пришёл в себя от лёгкого покачивания.

Он открыл глаза и увидел прямо перед собой лицо Шэнь Яньчжоу. Брови мужчины были сурово сдвинуты, он что-то быстро и взволнованно говорил, но вокруг царил мёртвая тишина.

Знакомая, удушающая тишина.

Мальчик моргнул. Шэнь Яньчжоу помахал рукой у него перед глазами, и в его взгляде читалась безмерная тревога.

Юй Пань слабо улыбнулся и, медленно подняв руку, указал на свои уши, а затем покачал головой.

Шэнь Яньчжоу на мгновение застыл. Поняв знак, он больше не пытался говорить — он просто крепко и нежно обнял его.

В этих объятиях было привычно тепло. Юй Пань уткнулся лицом в его грудь и облегчённо вздохнул. Он чувствовал мерный, сильный стук сердца — удар за ударом, словно безмолвное: «Я здесь. Я рядом».

Слёзы беззвучно покатались по щекам, пропитывая ткань одежды Шэнь Яньчжоу. Юй Пань подумал, что не слышать — это не беда. Главное, что Шэнь Яньчжоу жив.

Брат ласково гладил его по спине, словно утешая маленького ребёнка.

На третий день после того, как вода отступила, солнце нещадно палило, и над улицами

поднимался белёсый пар. К запаху гнилой грязи добавился резкий, бьющий в нос аромат дезинфекции.

Глава посёлка неустанно обходил кварталы с мегафоном:

— Категорически запрещено пить сырую воду! Колодезную, речную, водопроводную — любую воду только кипятить!

— Запрещено употреблять в пищу туши утонувших птиц и скота!

— Даже если затопленный рис просушен, есть его нельзя!

Организм Юй Паня, и без того слабый, не выдержал потрясений. Если первые два дня он держался на нервах, то после обеденного сна у него начался сильный жар.

Заметив это, Шэнь Яньчжоу, не теряя ни минуты, подхватил его и понёс в медпункт на спине.

Юй Пань обхватил его шею, положив подбородок на плечо брата. Он лихорадочно приоткрыл глаза. Перестав слышать, юноша стал ещё больше полагаться на зрение.

У дверей медпункта уже собралась длинная очередь, в основном из стариков и детей. Какой-то малыш, испугавшись врача, залился плачем, и этот крик мгновенно подхватили остальные.

Шэнь Яньчжоу встал в самый конец очереди. Юй Пань лежал на его плече, не в силах закрыть глаза, хотя лицо его пылало от жара.

Мужчина освободил одну руку, коснулся щеки юноши и тихо произнёс:

— Потерпи, скоро наша очередь.

Вспомнив, что тот его не слышит, он дважды легонько постучал пальцами по тыльной стороне ладони Юй Паня. Это был их давний шифр: один стук означал «понял», два — «подожди».

Юй Пань едва заметно шевельнул пальцами в ответ.